НОННА ГОЛИКОВА

РУССКАЯ ПЛЯСКА

песа в 2-х частях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

1. **АННА ПЕТРОВНА – актриса,**
2. **СЕРГЕЙ – её сын,2О-25 лет.**
3. **АРКАДИЙ – друг детства Анны, учёный.**
4. **ОЛЬГА – его жена.**
5. **АЛЕК, по прозвищу ДАРЛИНГ, журналист из Канады -**
6. **25 лет**
7. **ВЕРОЧКА – невеста Сергея.**
8. **НИКОЛАЙ – бывший муж Анны.**

9.РУССКАЯ ПЛЯСКА – сочинена американцем Томом Вейцем. В ней – лихость отчаяния, безбрежность и широта той русской души, о которой всё ещё иногда думают – везде, кроме России. И – угроза.

Время действия – начало 90-х

Место действия – Москва

ПЕРВЫЙ АКТ

На сцене очень уютная большая гостиная, какая может быть только в очень большой квартире в центре старой Москвы. Нет, нет, не из новых, с иголочки – нет. Со старыми книгами и картинами, хорошим роялем, настоящей старинной мебелью, множеством безделушек и тех красивых вещей, которые, как правило, несут печать воспоминаний. И - большой стол, который всегда накрыт, потому что за него или вот-вот сядут, или только что встали. Ощущение уюта такое, какое бывает только, когда случайно подглядишь в чужое окно. А у окна в этой гостиной стоят две женщины – Анна и Ольга. Когда занавес открылся, и зритель увидел их, Русская пляска, гремевшая при занавесе, пока затихла.

АННА. **…35, 36, 37…**

ОЛЬГА. **38! 38 танков !**

АННА. **Может ли это быть?! Но где же Серёжа? Я сейчас пойду, я найду его, я…**

ОЛЬГА. **Не делай глупостей ! Он здоровый мужик, найдётся.**

СЕРГЕЙ. **(*бурно врывается*) Мать! Все на баррикады! У Белого дома - все наши !**

АННА. **Какие это - наши?**

СЕРГЕЙ. **Ну, с тобой всё ясно! Я и забыл, что ты газет не читаешь с одна тысяча девятьсот…**

АННА. **А-а, я видела. Утром, когда я шла в ателье, я не могла перейти Садовое Кольцо – шла какая-то толпа, сплошь, от тротуара до**

тротуара, троллейбусы не ходили, и я опаздывала. Нет, я понять не могу! Последнее время - чуть что - и все на улицу! Какие-то флаги, крики, толпы. И почему-то всегда, когда я должна быть где-то срочно и точно, первым делом транспорт отменяют. Особенно все полюбили за что-нибудь бороться у нашего театра. Утром – борются, вечером - проститутки. Как это мешает, работать невозможно! И сегодня в ателье нельзя было пробиться. Я столько лет мечтала сшить пальто именно там! И вот! Тут же все куда-то ринулись и именно на моём пути! Так это к Белому дому? Кстати, тебе завтра на примерку костюма. Я договорилась.

СЕРГЕЙ. **Какая примерка? Война идёт!**

АННА. **(*вздрагивает*) Но это первый в жизни сшитый для тебя костюм! Я так мечтала! И вообще – немедленно бери котлеты из холодильника и ешь. Я не пущу! Я не пущу! Я запрещаю тебе! Идти с толпой! Я думала – ты интеллигентный человек!**

СЕРГЕЙ. **Это не толпа. Все лучшие люди – там!**

Входит Аркадий.

ОЛЬГА. **Аркадинька!**

СЕРГЕЙ. **(*Аркадию)* Ну хотя бы Вы ей объясните ! Вы только послушайте, она, видите ли, хочет, чтобы я сидел дома, когда такое творится!**

АРКАДИЙ. **(*Анне)* Брось истерику! Анна, что с тобой? Ты должна гордиться сыном.**

АННА. **Я с удовольствием гордилась бы им, если бы это был не мой сын, а чей-нибудь ещё.**

ОЛЬГА. **Вот видишь!**

АРКАДИЙ. **Пойми, сейчас решается судьба России. Судьба демократии, наконец!**

АННА. **Пусть мне сначала объяснят, что это такое!**

ОЛЬГА. **Ты невозможна!**

АРКАДИЙ. **Тебе колбаса дороже свободы!**

АННА. **Без колбасы человек голоден и, значит, не свободен!**

АРКАДИЙ. **Перестань и пойми, наконец, что ещё немного, и мы увидим свет в конце туннеля!**

АННА. **Господи, только не это!**

АРКАДИЙ. **В каком смысле ?**

АННА.Ты, **образованный человек, - ты забыл, что это образ смерти? Душа умершего летит, словно через туннель, к свету. Ну, конечно, мы все увидим свет в конце туннеля. Только почему ты этому радуешься?**

ОЛЬГА. **Ты всё переворачиваешь с ног на голову!**

АННА. **А, по-моему, наоборот, - это вы все сошли с ума!**

АРКАДИЙ. **Ольга! Термос! Я иду на баррикады!**

ОЛЬГА. **Аркадинька ! Я с тобой!**

СРГЕЙ. **Мать, я пошёл, не волнуйся.**

Все уходят. Анна одна.

АННА. **Ну , ну…А я поеду на дачу. Послезавтра приеду за пальто в ателье. Нет, я не дам никому – слышите – никому! – распоряжаться моей жизнью! Никому… (*включает радио. Идёт репортаж из Белого дома)***

РАДИО. **К нам на радиостанцию « Эхо Москвы» поступило сообщение о том, что на Садовом кольце, на подступах к Белому дому, - море людей. Молодёжь создаёт заграждения, опрокидывает троллейбусы, автомобили. Всё засыпано листовками с призывом к защите демократии. Сейчас нам удалось связаться с нашим корреспондентом в Белом доме. Все коридоры, все этажи заполнены вооружённой охраной. На площади пылают костры***…(Звучит песня « Осень «)*

АННА. **Только не сойти с ума…только не сойти с ума…(*звонит телефон*) Да! Добрый вечер…Не волнуйтесь, Серёжа говорил, что они вместе…Да, это рядом с нами. Я уверена, что они позвонят…конечно, если от них будут новости, я немедленно сообщу, не надо так волноваться…(*кладёт трубку, бросается к окну, мечется по комнате, не находя себе места*) Не надо так волноваться… не надо так волноваться**…

Влетает Ольга.

ОЛЬГА. **Что там делается!**

АННА. **Ты Серёжу видела?**

ОЛЬГА. **Твой Серёжа- настоящий герой! Все им восхищаются. Представляешь, мне удалось взять автограф у Соломина, у Панкратова – Чёрного. Кого только там нет! Дождь льёт, как из ведра. Я переоденусь. Ты не против?**

Она исчезает в соседней комнате. Пока её нет, Анна берёт сумку и начинает туда складывать еду, одежду, лекарства .Входит Ольга.

ОЛЬГА. **Вот, я взяла сухой свитер для Аркадия. Давай, я отнесу и для Серёжки. Костя не звонил? Я сказала, что мы будем у тебя.**

АННА. **Вы все обезумели. Что вы там делаете?**

ОЛЬГА. **Жжём костры! Строим баррикады! (*смеётся)* Я кирпичи таскала в своей сумке. Посмотри, во что она превратилась! Ну, ничего! Борьба есть борьба! Мы не пропустим танки к Белому дому! Люди ведут себя потрясающе! Даже проститутки пришли защищать свободу! Представляешь, был момент, когда все запаниковали, и одна из них кричит подружкам - бежим, пока не поздно! А другая отвечает-никогда! Где я ещё увижу таких настоящих мужиков! А одна женщина встала прямо перед танком, и на вытянутых руках у неё был ребёнок. Не знаю, способна ли я на такой героизм…**

АННА. **(*резко)* Если бы ты оказалась на это способной, ты не была бы в числе моих знакомых, уверяю тебя. И – какая подлость! Какая подлость – вовлекать людей в свои кровавые игры!**

ОЛЬГА. **Ты меня удивляешь. Рассуждаешь, как обыватель. Нельзя так узко мыслить. Смотри, не скажи что-либо подобное при Сергее!**

АННА. **Оля, Оленька, я никогда ни о чём тебя не просила. Хочешь, я на колени встану – приведи домой Серёжку. Ах, да если в тебе есть хоть капля разума, ты приведёшь его и Аркадия, и вы все будете дома.!**

ОЛЬГА. **И почему только Аркадинька тобой восхищается – обыкновенная трусиха. Мне пора. Ожидается танковая атака. Нужны бинты, медикаменты, бутерброды. У тебя есть сумка?**

АННА . **Вот. Здесь всё есть.**

ОЛЬГА. **(*заглядывает в сумку)* И когда ты успела ? Ты – гений ! (*чмокает Анну, уходит. Звонит телефон)***

АННА. **Слушаю…Знаете, сейчас оттуда приходила моя подруга, она видела их, с ними всё хорошо.(*из последних сил делает бодрый голос*) Да, да, всё хорошо, нам не надо волноваться. Всё хорошо ! (*кладёт трубку, падает в кресло, пытается слушать радио, зажимает уши, выключает радио, заводит музыкальную шкатулку с Бетховенской Луизой, слушает, и это – такая мирная картина. Входят Ольга и Аркадий.)***

ОЛЬГА. **Нет, ты только посмотри, - какая мирная картина. Лучше брала бы пример со своего сына. А мой Костя сюда не звонил? Если бы он не уехал на дачу, он был бы тоже там.**

АРКАДИЙ. **Да, ты знаешь, Анечка, он мне определённо нравится. Константин – демократ…**

АННА. **Я рада за него. Особенно за то, что он на даче.**

ОЛЬГА. **Нет, что она хочет этим сказать? Видишь, видишь, а притворяется интеллигенткой!**

АРАДИЙ. **Успокойся, тебе надо отдохнуть.**

АННА. **Идите туда.**

Ольга и Аркадий уходят в соседнюю комнату. Звонок в дверь. Анна бесстрашно открывает и тут же отшатывается. Перед ней более чем

странного вида молодой человек. Очень высок ,в полковничьей папахе, распахнутой шинели, сапогах и джинсах с дырами на коленях. Анна испуганно пытается оттеснить неожиданного гостя и захлопнуть дверь.

АННА. **Нет! Нет! У меня ничего нет!**

АЛЕК. **(с сильным акцентом) Бояться – нет! Вы Анна Петровна? Я…Серьёжа…Он…**

АННА. **Серёжа? С ним что-нибудь случилось? Где он? Что с ним?**

АЛЕК. **Нет, Нет – волноваться. Он в порядке. Он просил …Мне скоро в эфир- Си-Эн-Эн. Надо быть готовым. Серёжа сказал, что можно у Вас некоторое время…**

АННА. **Господи! Ах, да проходите, ради бога, садитесь. Нет, не сюда – здесь всегда Серёжа…вот здесь тоже удобно. Вы поужинаете? Как Вас зовут?**

АЛЕК. **Алек.**

АННА. **А откуда Вы приехали?**

АЛЕК. **Я из Канады.**

АННА. **Да. Да, я всё вспомнила. Я много слышала о вас от Серёжи. Вы ведь подружились.**

АЛЕК. **(*принимая тарелку*) Спасибо. Да, наш Серёжа - настоящий русский. Он очень независим .**

АННА. **Господи, деточка, а вас-то как занесло в этот наш ужас?**

АЛЕК. **Что Вы! Вы даже не представляете, какая ужасная страна Канада.**

АННА. **Чем же она так ужасна?**

АЛЕК. **Там даже не с кем говорить о Достоевском и русском балете!**

АННА. **(*поперхнувшись чаем*) Да…Это серьёзно. И что же Вы здесь делаете?**

АЛЕК. **Я пишу в английских газетах о русском балете. Печатаюсь. Но очень жаль, что нельзя заработать только творчеством.**

АННА. **Да, творчеством здесь можно заработать только неприятности.**

АЛЕК. **Я должен тратить время на бизнес, чтобы жить, как человек. Но тогда я не совсем тот же человек.**

АННА. **Я тебя понимаю, но ты большой молодец, если тебе всё удаётся. И ты не собираешься домой?**

АЛЕК. **О нет! Здесь так интересно! Я очень хочу помогать русским, они становились свободными, и я остаюсь,.чтобы помогать им в этом.**

АННА. **Ах, вот как? Что ж, я думаю, мы вернёмся к этому разговору спустя некоторое время. Боюсь, ты будешь думать иначе. Ешь, ешь…**

АЛЕК. **Это очень прекрасно – быть здесь, и Вы даже дали мне поесть.**

АННА. **(*смеётся*) Какой же ты смешной ! А как же иначе? Ты очень хорошо говоришь по – русски. Почему?**

АЛЕК. **Я учился в Торонто в университете на русском отделении.**

АННА. **Ах, вот как.**

АЛЕК. **Я люблю русские писатели.**

АННА. **И кого же ты читал?**

АЛЕК. **Достоевский, Чехов, Гоголь.**

АННА. **Гоголь? Ты читал Гоголя? Что же именно?**

АЛЕК. **« Нос «, « Палто»…**

АННА. **Пальто? (смеётся) Ах, да, я поняла – « Шинель». А у тебя есть и мама, папа?**

АЛЕК. **Да.**

АННА. **Представляю, как они тревожатся за тебя .**

Алек. **У меня есть ещё сёстры и брат.**

АННА. **И ты их всех оставил?**

АЛЕК. **Я же взрослый человек! Всё-таки!**

АННА. **О да! Но где же всё-таки Серёжа? Уже утро!**

АЛЕК. **Он будет. Нужно быть спокойной.**

Бурные звонки в дверь*. Анна *бросилась открывать. Из соседней комнаты выбегают Ольга и Аркадий. Появляется Сергей. Рядом с ним мальчик в бейсболке.

АРКАДИЙ. **Ну, как?**

ОЛЬГА. **Ты уже пришёл? Ну, что там ?**

СЕРГЕЙ. **Нормально! Под утро объявили, что все могут идти домой, многие потянулись к первому метро, нас осталось совсем мало, и вдруг из первого подъезда выскакивает капитан – весь белый! Ребята, говорит, - танки идут ! Ну, мы построились. Честно говоря, несколько не по себе сделалось…Сорок минут простояли, потом выяснилось, что тревога ложная – это были наши танки! Алек, ты в порядке? Познакомились? Мать, ты его кормила?**

АЛЕК. **Всё очень хорошо, спасибо.**

АННА. **(*ощупывает Сергея – всё ли цело*) Но ты весь мокрый и голоден, конечно. Марш в ванну, а я быстро сделаю завтрак. И твоему товарищу тоже.**

ВЕРОЧКА **(*сдёргивает бейсболку, и по плечам рассыпаются длинные волосы.)* Я не товарищ, я – Верочка.**

АЛЕК. **(он потрясён неожиданным превращением) О! Всё-таки !**

СЕРГЕЙ. **Это не товарищ и не Верочка, а просто какая-то Жанна Д,Арк ! Женщинам запретили быть у самого Белого дома, их просто не пропускали. Так она оделась во всё мужское и всё же прорвалась в первые ряды.**

ВЕРОЧКА. ***(пылая).* Я всё время была рядом с ним! Я сразу его разглядела, ещё издали! Представляете – пылают костры, все мечутся. А он – всегда впереди, и все – за ним!**

СЕРГЕЙ. **Это я всё время был рядом с тобой, когда понял, что ты не мужчина.**

АРКАДИЙ. **По-моему, это не трудно угадать.**

ОЛЬГА. **Наверное, не в той ситуации .**

ВЕРОЧКА. **Надо же было так попасть! Я только три дня назад прилетела из Парижа!**

ОЛЬГА. **Из Парижа?**

ВЕРОЧКА. **Я там учусь, приехала с мамой повидаться - и вот ! Прямо в самый центр событий! Так здорово!**

АННА. **Да, весьма…(*оценивает её рядом с Сергеем*) Впрочем, Вас-то я как раз понимаю. Давайте знакомиться. Анна Петровна, Серёжина мама. А это – наши друзья. С Аркадием Валериановичем мы дружим с детства.**

ВЕРОЧКА. **(замирая) Очень приятно.**

СЕРГЕЙ. **Кто не знает – это мой замечательный друг – журналист из Канады.**

АННА. **Ну, подробности потом, а сейчас – за стол, за стол…**

АРКАДИЙ. **Я же говорил – демократия должна была победить! Аня, мы победили!**

АННА. **(выходя на кухню) Да что ты говоришь ? Тебе кофе или чай?**

ОЛЬГА. **Аркадинька! А как я листовки раздавала ? У меня их буквально вырывали из рук!**

АРКАДИЙ ***(обнимая Ольгу*) Ты мой герой !**

ОЛЬГА. **Ура! Ура!**

ВЕРОЧКА. **(*бросаясь к Сергею*) Ура ! Ты – моё ура!**

И грянула Русская пляска, под которую все бурно танцуют, и гаснет свет. Когда свет зажигается, на сцене та же гостиная, стол в цветах, но стулья сдвинуты вразброс и видно, что все недавно вышли из-за стола, и из других комнат слышны голоса, веселье и – танцуют

под «Русскую пляску». Разгорячённые, в гостиную входят Анна и Ольга. «Русская пляска» затихает.

ОЛЬГА. **Аркадинька !**

АРКАДИЙ. **(** ***из другой комнаты*** **) Сейчас, сейчас !**

ОЛЬГА. **А твоё печенье сегодня! Я из-за него теряю очертания. Расскажи.**

АННА. **Это очень просто. Я тебе всё запишу.**

ОЛЬГА. **В следующий раз мы запечём с тобой яблоки со сливами. Их складывают в круглый казан, туда можно корички, ванильки, и это – такая вку-у-сь ! А как тебе моя шапочка?**

АННА. **Чёрная с белым?**

ОЛЬГА. **Ну да, я сама сделала. Ты обратила внимание? Поля не связаны, а выложены подобранными в фестоны белыми пушистыми нитями ! И здесь возможны варианты. По-моему, тебе пойдёт такая же.**

Пока Ольга мило и вкусно болтает, Анна, она явно устала, тихо бродит по комнате, будто впервые её разглядывая, ласково поглаживая то бок рояля, то стул, затем открывает музыкальную шкатулку, которая тихо звенит мелодией Бетховена « К Элизе»..

ОЛЬГА. **Что с тобой? Ты меня не слушаешь.**

АННА. **До сих пор не верю, что дома. Господи, какой это был ужас! Нет, никогда я больше не уйду из дома. Никогда, ни из-за чего и ни из-за кого. Даже вспоминать страшно.**

ОЛЬГА. **Сейчас все делают на квартирах состояния. И только ты! Как всегда, впрочем.**

АННА. **Да, как всегда…И не надо об этом. Нет, представляешь, стою под собственной дверью, и меня не пускают в мой дом ! И денег не платят.**

ОЛЬГА. **Кто мог подумать, что твоя респектабельная англичанка заведёт любовника – казаха ! Да ещё из новых русских !**

АННА. **Да! И всё – конец ! Да ещё миллионы долгов за телефон.**

ОЛЬГА. **А в суд?**

АННА. **Ты с ума сошла ! Они сразу – у Вас есть сын? Вы хотите, чтобы он у Вас и дальше был? Б-р-р ! Лучше я что – нибудь продам, сдам комнату. Я всё равно только в своей сижу – в остальные и не захожу.**

ОЛЬГА. **Знаешь, а я нашла квартирантов. Решила рискнуть. А давай мы будем у тебя, денег, разумеется, подкинем. Вместе веселей. Аркадинька – человек лёгкий, ты же знаешь.**

АННА. **Да, всю жизнь…так вы всё-таки вместе?**

ОЛЬГА. **Вроде бы…Я надеюсь…Всё не так просто.**

АННА. **Во всяком случае, я рада. Вот и выход ! (*К столу подбегает Сергей,что-то бросает в рот со стола.)* А Ольга с Аркадием поживут у нас.**

СЕРГЕЙ. **Прекрасно ! Только куда ты денешь этих беженцев из Абхазии? А Розанна ?**

ОЛЬГА. **Так ты уже сдала?**

АННА. **Нет, просто меня попросили. Знаешь, старики такого натерпелись. Ну, как можно брать деньги с несчастных ?**

СЕРГЕЙ. **Да, очень несчастные. У них здесь сын – бизнесмен, и ему некуда их забрать в его новую квартиру с евроремонтом.**

АННА . **Он обещал, что через неделю…**

ОЛЬГА. **А Розанна ?**

СЕРГЕЙ. **Итальянская графиня и- представьте – член мальтийского ордена !**

ОЛЬГА. **Но это какие – то средние века !**

СЕРГЕЙ. **И фамилия её – Борджиа! Два года учила русский, чтобы приехать в Россию спасать детей Чернобыля.**

АННА. **Да, а вот кто может похвастать, что ему окна мыла итальянская графиня? Да ещё починила кран ?**

СЕРГЕЙ. **Да, после матушкиной бизнес – акции в квартире всё было переломано. (***берёт большую сумку и начинает складывать в неё книги с полок.)*

АННА. **Что ты делаешь ?**

СЕРГЕЙ. **Беру детские книжки для бездомных детей. Надеюсь, ты не против?**

АННА. **(*помогая ему*) Имей в виду – твоему ребёнку уже никто не подаст. Боже мой, « Серебряные коньки»…Диккенс…**

Сергей молча всё складывает и уходит. Входит Аркадий.

АРКАДИЙ. **А он не слишком категоричен? И что это за бездомные дети?**

АННА. **Он работает в международной благотворительной и спасательной организации. Я места себе не нахожу. Последняя командировка – холера в Казахстане…В Грузии с медикаментами в перестрелку попал…**

ОЛЬГА. **Успокойся.**

АРКАДИЙ. **Подожди, а его таланты, его писательство, журналистика ?**

АННА. **Теперь за это не платят…Это всё теперь никому не нужно.**

АРКАДИЙ. **Да, вот и у меня в институте уже давно нет зарплаты. Но, дорогие дамы, не будем о печальном.**

АННА. **Да, да, у нас, в конце концов, своего рода новоселье. Да и пирог уже, верно, поспел. Пора подавать.**

АРКАДИЙ. **Ах, твои пироги! Ты всегда ими славилась.**

АННА. ***(выходя*) Это от бабушки.**

АРКАДИЙ. **(*Ольге*) Я так помню её ! В детстве, у них на даче мы сидели вечерами в саду. Из окна дома тянулся, как витая змея, через подоконник, длинный шнур с лампой. Он извивался в ветках, и листва вспыхивала зелёным светом над большим столом. Ах, какие**

это были застолья! И царила на них всегда её бабушка, Анна Петровна! Сама красота и женственность. Рядом с ней рождалось ощущение счастья и радости…Мы были совсем юные, дети в сущности…(*входит Анна с пирогом*) А я тут вспоминаю Анну Петровну.

АННА. **Ты же знаешь, я не люблю это вспоминать, да и твои сантименты – тоже.**

ОЛЬГА. **Но почему? Ты должна гордиться своей семьёй. Их имена до сих пор знает каждый.**

АННА. **Ах, мои бабушки !..Они сильно отравили мне жизнь. Я, видите ли, думала, что они, весь их мир – это норма. Встреча с реальной жизнью быстро обнаружила моё заблуждение. Оказалось, что всё это как раз – исключение. Дорого далось мне это открытие.**

АРКАДИЙ. **Анна Петровна всегда была с мужем на Вы.**

ОЛЬГА. **Нет, правда?**

АННА. **Да, а мне сразу сказали ты. И очень решительно. А я не была к этому готова.**

АРКАДИЙ. **А я дорожу этими воспоминаниями, люблю узнавать в твоём доме их старые вещи. Этот кувшин – он сразу поразил моё воображение, когда меня впервые привели сюда.**

АННА. **Да, это Кузнецов.**

ОЛЬГА. **А я больше всего люблю здесь эту картину. На неё можно смотреть бесконечно! И эта дарственная надпись – автограф самого Шаляпина!**

АННА. **Да…её уже нет.**

АРКАДИЙ. **Как?!**

АННА. **Да…мне удалось её продать.(очень весело) А иначе – откуда ещё мог быть такой праздник ?**

Гремит Русская пляска –«Ещё, ещё раз, два…» Взрыв смеха.Ольга убегает на голоса. У стола Анна и Аркадий. Анна начинает убирать .

АРКАДИЙ. **Тебе помочь ?**

АННА. **Съешь лучше пирога.**

АРКАДИЙ. **(*целует ей руку*) Ты устала.**

АННА. **Оставь…Ольга говорила тебе о своих планах?**

АРКАДИЙ. Что ты имеешь в виду?

АННА. Она сдаёт квартиру и хочет жить здесь, вместе с тобой. У меня никого нет ближе вас, но…

АРКАДИЙ. Я счастлив, я…

ОЛЬГА. Хорошо подумай, прежде чем решать.

АРКАДИЙ. Я обещаю, я даю слово…

АННА. Надеюсь.

ОЛЬГА (*впархивая*)Лил дождь на лиловые флоксы! Это из моих новых стихов! Недурно? (*обнимает Анну)* Ах, как хорошо у тебя, какое счастье – выход найден, мы будем вместе, и чувство страха меня, наконец, отпускает. Ведь я давно без работы, да и у Аркадия… *(машет рукой)*

АРКАДИЙ. Ну вот и ты машешь на меня рукой. Впрочем, я привык…*(выходит)*

ОЛЬГА. Он всю жизнь писал свои книги, статьи – каждый день сидел за письменным столом с 8 до 12 часов, потом – институт. Звонки, издательства, редакции. Теперь почти нигде не платят, нет редакций, звонков и издательств. А он попрежнему сидит за письменным столом каждое утро и часами смотрит в одну точку. Я просто боюсь за его психику.

АННА. Да, какая – то странная свобода у нас – в основном, свобода от денег.

ОЛЬГА. **Сергей-то то как? Костя мой мечется. То в какм-то квартирном бюро, то в туристическом, то ещё какая-то затея. Все затеи лопаются, не успев возникнуть. Словом, - бизнес, а по сути – ничего.**

АННА. **При слове бизнес мои мозги отключаются. Я знаю только, что сразу надо гворить ещё такие слова, как офис, факс и ксерокс! А Серёжа тоже мечется – по всему земному шару. Если его посылают в командировку – значит, где-то несчастье.**

ОЛЬГА. **Устала я от этих несчастий – и своих, и чужих… А от Верочки что-нибудь слышно ?**

АННА. **Живёт в основном в самолёте. Всё не может решить – где же её дом. В Москве, или в Париже. Родители настаивают на окончательном её отъезде из России.**

ОЛЬГА **Я их так понимаю! Когда расстреливали Белый дом, мы с Аркадием лежали на полу – ведь рядом же! Я ему кричу: куда уедем, если живы останемся? А он – в Австралию – она дальше всего отсюда! Легко сказать…**

АННА. **Ну, я, как всегда, заметила это случайно. Представляешь, смотрю телевизор. На экране танки стреляют. Ну, думаю, фильм про войну, незнакомый какой-то. Удивило только, что в кадре Белый дом – ведь в войну-то его ещё не было! Да ещё и то, что с залпом на экране – мои окна дрожат. Это показалось странным. А тут телефон, явно междугородний. Снимаю трубку – Верочка! Из Парижа! Кричит: « Анна Петровна! Гасите свет! ложитесь на пол!» (смеётся) Представляешь ? Сидела рядом с Белым домом, а узнала о нём из Парижа. Трансляция же на всю Европу шла.**

ОЛЬГА. **Ну, твоя рассеянность всем известна. Но чтобы так!**

АННА. **Ну при чём тут рассеянность! Просто я была делом занята. И знаешь, как это иногда бывает, - ну никак у меня не получался финал моей программы поэтов Серебряного века. Я так над этим билась, а до**

Художественного совета ну буквально пара дней оставалась. Я и телевизор-то случайно включила… Потом в ванной отсиживалась – стреляли прямо под окнами…

ОЛЬГА. **Да, лучше не вспоминать…**

АННА. **Знаешь, меня совершенно сразил рассказ одного знаменитого танцовщика. Он десять лет посвятил тому, чтобы восстановить одноактный балет Фокина, который никогда не шёл в России, но был известен во всём мире. И в Лондоне он разыскал самую первую и самую знаменитую исполнительницу этого балета. Она была уже в очень глубоком возрасте, никого не принимала, голос по телефону был едва слышен. «Запомните, - сказала она.- Самое главное, чтобы роза из рук балерины не падала, а скользила…не падала, а скользила…» Господи боже мой, сколько войн и революций, трагедий и разлук было на её веку, а самое главное – всё равно – чтобы роза не падала, а скользила. (Анна совершенно ушла в эту мысль и явно отсутствует) Не па-а-дала, а скользи-и-ла…**

ОЛЬГА. **Ну, сейчас всё в основном, падает.**

АННА. **(*очнувшись)* Что ?**

ОЛЬГА. **Ах, всё к чёрту, говорю.**

АННА. **А-а-а…**

ОЛЬГА. **Аня…Аня, я больше не могу – придумай что – нибудь ! Я в отчаянии!**

АННА. **Что случилось?**

ОЛЬГА. **Костя…Это же невозможно! Бандиты! Самые настоящие! Они его преследуют! Ты сама знаешь, что сейчас делается.И никакого спасения! Я умру, я не переживу…Придумай…придумай что –нибудь !**

АННА. **Конечно. Не волнуйся. Я позвоню, я попрошу, мы что-нибудь придумаем. Обязательно. Успокойся.**

АННА. **Прости, нервы не выдерживают.**

АННА. **Я тебя понимаю…(*Пауза. Вскрикивает «Русская пляска» – и замолкает.)*

ОЛЬГА. **(*вытирает слёзы*) А что касается Верочки,- то она не перестанет метаться, пока Серёжа не примет решение. Это я тебе говорю. Как у них?**

АННА. **Сама знаешь, всё не просто. Они любят друг друга, но менять страну…Да у него и возможностей нет…У неё – проблемы с гражданством. Я ничего в этом не смыслю. Одно знаю твёрдо : мне нельзя иметь привязанностей . Никаких. Судьба всё равно отнимет. Вот и Верочка…Я так к ней привязалась…Не знаю, не знаю…Ах, да что я могу? Сижу в моём любимом кресле и жду. Чего жду?**

ОЛЬГА. **Смотрю я на тебя и не понимаю . Я вот совсем не могу быть одна.**

АННА. **Я тоже.**

ОЛЬГА. **Ну да – ты вон какая самостоятельная!**

АННА. **Да…как перст.**

ОЛЬГА. **Что ?**

АННА. **Я говорю – самостоятельная, как перст…**

ОЛЬГА. **Но всё же – почему тогда?**

АННА. **Знаешь такое слово – судьба? Теперь это называется карма.**

ОЛЬГА. **О Николае ничего не знаешь?**

АННА. **Не хочу знать…**

ОЛЬГА. **Сколько у тебя было поклонников! И каких 1**

АННА. **Оставь! (*смеётся*) Это – как рой комаров : отмахиваешься, отмахиваешься, а кто-то всё равно прорывается. В основном, чтобы крови напиться и улететь. Ну, кого-то и ты прихлопнешь…Нет, не смогла я потом никого полюбить…(*включает шкатулку*) Какой покой и уют в этих звуках… (*входит Аркадий*)**

АРКАДИЙ. **Ну что ж, по-моему, пора. Дадим Анне отдохнуть.**

ОЛЬГА. **Домой, домой, домой…**

Ольга и Аркадий уходят. Взрывается «Русская пляска», и гаснет свет. Свет зажигается . Всё та же гостиная. Звонок в дверь. Аркадий идёт открывать и возвращается с Анной. У неё в руках огромный букет. Элегантный мужчина принимает шубку у красивой женщины, берёт у неё букет, и так здесь уютно. «Эх, раз, ещё раз!» – вскрикивает Русская пляска и замолкает.

АРКАДИЙ. О! Какие цветы !

АННА. Да, я с концерта.

АРКАДИЙ. Рад, что тебе всё же удаётся заниматься своим делом. Неужели и заплатили ?

АННА. Как это тебе пришло в голову? И не радуйся. Это был концерт в госпитале. Мальчики из Чечни. Им ещё из рогатки стрелять…

АРКАДИЙ. Боже мой, что же ты могла?

АННА. Ничего. Пела…читала…плакала…

АРКАДИЙ. Ну, успокойся, успокойся…

Входят Сергей и Верочка. Сергей, поздровавшись, идёт в свою комнату.

АННА. **Серёжа, обед готов.**

СЕРГЕЙ. Нет. Мне некогда. Я сейчас улетаю, мне надо успеть собраться.

АННА. Куда?!

ВЕРОЧКА. Нет, нет, Анна Петровна, не туда. Но ничуть не лучше.

АРКАДИЙ. Насколько я понимаю, это достаточно неожиданно.

АННА. Вы ведь хотели побыть вместе, ты недавно прилетела.

ВЕРОЧКА. **Ну, а вот теперь быстро улечу! Анна Петровна! Вы такая! Вы близкий мне человек! Ну как…как сделать так, чтобы тебя действительно полюбил тот, кто тебе нужен ! (Аркадий на цыпочках выходит)**

АННА. **Ах, я должна тебя огорчить ! Нет здесь ни законов, ни правил. И даже тем, что время лечит, я не могу тебя утешить, потому что это неправда…Просто одна печаль неизбежно приведёт другую.**

ВЕРОЧКА. **Как жестоко Вы говорите! (Анна обнимает Верочку)…У меня к Вам просьба. Я знаю, что Вы это сделаете для меня. (достаёт большой пакет) Здесь мои дневники – ещё детские, школьные. Письма дедушки. Я начинаю думать, что никто больше не будет любить меня так, как он…Серёжины письма, мои стихи…В этом безумии, в этой сутолоке всё может пропасть. Я хочу, чтобы это хранилось у Вас.**

АННА. **Конечно, не беспокойся…(входит Сергей с рюкзаком)**

СЕРГЕЙ. **Ну, мне пора.**

ВЕРОЧКА. **Я тебя провожу – и в аэропорт.**

СЕРГЕЙ. **У тебя же ещё целая неделя!**

ВЕРОЧКА. **Не нужна мне эта неделя без тебя !**

АННА. **Сядем на дорогу. (все садятся) Серёжа, я прошу тебя, будь осторожен.**

СЕРГЕЙ. **Пустяки, не волнуйся…Пора !**

Все выходят. Анна возвращается с почтой – газеты, письма. Она садится, включает телевизор, читает письмо .Из телевизора слышны вздохи и ахи, из которых совершенно ясно, что происходит на экране. Анна нервно переключает и вздрагивает от оглушительнвх автоматных очередей и глухих ударов

жестокой драки. Анна выключает телевизор, продолжает читать. Входит Аркадий, садится, разворачивает газету и тоже читает.

АННА. **Боже мой!**

АРКАДИЙ. **Что-нибудь случилось?**

АННА. **Как тебе сказать? Ну да, случилось. Целая жизнь случилась… Впрочем, не буду объяснять. Это такое письмо, что его можно читать любой из нас. Слушай – это письмо пришло на имя моей мамы ; «Прежде всего, хочу представиться, чтобы вам не пришлось гадать, от кого это письмо. Во время войны вы некоторое время жили в Уфе, в эвакуации. Во время войны многие москвичи жили у нас. Жили музыканты из оркестра Большого театра, их дирижёр… В 95 году умерла моя мама. Я помню, как Вы с мамой стояли на крыльце нашего флигеля в последний вечер перед Вашим отъездом в Москву, прощались. Помните ли Вы её? Вряд ли… А вскоре умерла и её сестра. Уходят из жизни последние пережитки прошлого в хорошем смысле этого слова, а что теперь вокруг – страшно даже подумать…Родители моей мамы приехали в своё время в нашу несчастную страну из Швейцарии. До самой смерти они оставались её гражданами, и эта страна помогала им, в том числе и посылками. Мама родилась в Москве и в 1932 году приняла наше гражданство. И всё. Всё мужское население нашей семьи уничтожили в 1937 году. Двух братьев мамы, не успевших принять советское гражданство, отправили на их историческую родину, где они прекрасно дожили свою жизнь, - один в Женеве, другой в Берне. Напишите, если это Вас не затруднит, обо всех. Кем они стали, как живут, я буду Вам очень признательна…Татьяна Владимировна.» Представляешь, какова же**

степень одиночества, если человек ищет тех, кого не видел уже пол века – ведь она была тогда совсем девочка.

АРКАДИЙ. **Если она знала твоих бабушек, то не удивительно, что запомнила их на всю жизнь.(пауза) Да, тогда все бежали из Москвы на восток, теперь – на запад…**

АННА. **Я обязательно напишу этой женщине…Тут и тебе какой-то конверт. Из Лондона!**

АРКАДИЙ. **Давай, давай, посмотрим! Так… язык я ещё не забыл… (просматривает письмо) А ! Это я ещё год назад посылал им свои публикации о моём последнем открытии в круге проблем спектра северного сияния. Английская Академия наук, оказывается, удостоила меня бронзовой медали… (читает) …Ваш талант и блестящий ум…уникальные перспективы в решении проблем… (небрежно бросает письмо) Лучше бы денег дали. Да! Поздравь, у меня большая удача. Удалось продать два воздухоочистителя. Каково? За это недурно платят.**

АННА. **Поздравляю! А что? Молодец! Ещё немного – и ты – новый русский!**

АРКАДИЙ. **Ты шутишь, а мне что-то не до шуток. Знаешь, мне всё трудней и трудней выходить на улицу. Куда делись лица? Где они?**

АННА. **Да, кто не умер, тот уехал…**

АРКАДИЙ. **Вот-вот…Я всё чаще задаю себе вопрос: что важнее – сохранять какие-то свои принципы , или плюнуть на всё и выживать любой ценой ?**

АННА. **Я же недаром так не люблю воспоминания о нашем детстве. Одна из последних фраз бабушки – я её навсегда запомнила : » Прости, что я воспитала тебя порядочным человеком.» Да, с этим теперь не проживёшь.**

АРКАДИЙ. **Да, а что хотели от тебя эти чудаки из Дворянского собрания ?**

АННА. **Ох, они сначала меня напугали. Я только перед их приходом поняла, что должна открыть дверь совершенно незнакомым людям, будучи одна в квартире. По телефону-то они декабристы, а дверь откроешь – и по голове!**

АРКАДИЙ. **Ну и как ?**

АННА. **Да нет, милейшие люди. Смотрели фотографии, разговаривали. Они рассказали мне всю мою родословную. Мои предки побеждали Наполеона, давали свободу Норвегии, подписывали документы, решавшие судьбы мира, дружили с Пушкиным, Чаадаевым…Сколько доблести, подвигов и славы! И всё это только для того, чтобы их потомки не знали, где добыть работу, за которую платят…Так что – освобождайся от ненужного груза – пропадёшь!**

АРКАДИЙ. **И это говоришь ты! Вот как… как бы ты отнеслась к тому, что друг, многолетний, пожизненный, на твою просьбу прочитать твою статью, сказал:« Я за это время могу заработать 2ОО долларов. Почему я должен тратить это время на тебя ? » Вот как к этому относиться?**

АННА. **С юмором.**

АРКАДИЙ. **Что?!**

АННА. **С юмором. И вообще, знаешь, я заметила, что страдать гораздо проще. Вот наши актёры. Как страдать – пожалуйста. А вот лёгкость, изящество, ирония – это высший класс, почти недосягаемый. Вот это, у Бернса, так легко, а никак не даётся : »Гнал он коз, под откос, где ручей прохладу нёс, стадо гнал мой милый.» Ну, попробуй- Гнал он коз, под откос…**

АРКАДИЙ. **(машинально включается) Гнал под откос… (спохватывается) Тьфу! Ты всегда делаешь из меня идиота !**

АННА. **Разве?**

АРКАДИЙ. **Из всей мировой поэзии мне почему-то сейчас совсем другое вспоминается.**

АННА. **Да? Что же, например?**

АРКАДИЙ. **Долги построились в полки, приказа ждут и крови просят! А?!**

АННА. **(смеётся. Раздаётся междугородний телефонный звонок. Анна берёт трубку.)) Да, да…Александр Иванович, дорогой, здравствуйте. Как поживаете, чем обязана ?..Спасибо…спасибо…да…нет, какие же теперь гастроли? Денег нет…ни тут, ни там…да…Александр Иванович, Ваш завод работает? Слава богу! У меня к вам нижайшая просьба. Как Вы думаете, реально ли прислать к вам на работу молодого человека? Поверьте, это чрезвычайно важно…да…да…Я бесконечно благодарна, он приедет…от меня. Спасибо…счастливо…(кладёт трубку)**

АРКАДИЙ. **Это Ольга тебя просила?**

АННА. **Но это так понятно…(пауза)**

АРКАДИЙ. **Да…(пауза)**

АННА. **Я всегда довольно иронично относилась к генеалогическим проблемам. Какая разница – были где-то там в родстве графы и князья, если всё равно весь троллейбус встанет тебе на ногу и дохнёт в лицо перегаром, да и то его ещё надо дождаться… Но, глядя на Серёжку, я перестала иронизировать. Может, в этом действительно что-то есть! Ведь мамочкин сынок, баловала я его бесконечно. А посмотри – как живёт…Вот в «Известиях « написали, что в России бездомные и сироты нужны только пятерым французам и одному русскому – Сергею Соколову. Это о деятельности их фирмы. Да…порода – это не только шея, глаза, ноги. Это – честь, великодушие, отвага, словом, - порода !**

АРКАДИЙ. **Боюсь, значение этих слов здесь скоро не смогут вспомнить и под пыткой. Понимаешь, даже друзья, близкие друзья – и им теперь**

нельзя верить! Все, все озверели от страха перед этой жизнью. Здесь теперь только два вида человеческой породы – палачи и жертвы. Нет, я зверею, зверею!

АННА. **Ну, чтобы озвереть, тоже характер нужен.**

ОЛЬГА. **(входит) Вы? Вдвоём?**

АРКАДИЙ. **Вот – пожалуйста !**

ОЛЬГА. **Анна, а кто меня напугал только что ? В какую комнату ни войдёшь, там неотвратимо этот человек с телефоном! Уже сутки! Утром, днём, ночью…Я потеряла всякую связь с внешним миром. Сюда же никто прорваться не может !**

АННА. **Ах, да, ему сейчас негде, у него что-то с женой…Он так талантлив! Но я обязательно скажу ему, извини. (выходит)**

ОЛЬГА. **А ты не находишь, что с ней вообще давно пора серьёзно поговорить? У неё не дом, а Ноев ковчег. Всё время какие-то люди ! Как-никак, мы снимаем комнату на определённых условиях и даже не знаем, кого увидим в любой момент. Всё-таки хорошо, что контракт кончается, наши жильцы скоро уедут, и мы, наконец, вернёмся домой. (звонки в дверь) Ну вот – опять !**

АРКАДИЙ. **Ты просила Анну о Косте?**

Ольга, закрыв лицо руками, внезапно плачет и вы бегает из комнаты .Входят Анна и Алек. Он в разорванной рубахе, весь в ссадинах. В руках у Алека цветы, которые он и отдаёт Анне, целуя ей руку.

АННА. **Но что это за вид ?**

АРКАДИЙ. **Да, молодой человек, в вашем стремлении быть похожим на русского, вы сегодня достигли максимальных результатов!**

АННА. **Да, вполне русская нелепость! Неужели подрался? Надеюсь, ничего опасного? Иди, в ванной есть йод, марганцовка (Алек идёт в ванную)**

АРКАДИЙ. **И всё же эта ваша дружба…с этим юнцом…это всё же несколько странно, согласись.**

АННА. **Да боюсь я вас, взрослых, от сверстников добра не жди. Только эти и живые пока люди.**

АРКАДИЙ. **М-да…парадокс…Я, как никто, вижу, насколько ты в сущности, совсем не защищённый человек. А за помощью – все к тебе. (Аркадий выходит. Появляется Алек)**

АЛЕК. **У меня проблема. Я хочу советоваться.**

АННА. **Ну, ну, советуйся, в чём дело?**

АЛЕК. **Я был в гости, с девушкой, и там один человек ругался по-русски – мат, простите.**

АННА. **А! Нетрадиционная лексическая замена! Ну?**

АЛЕК. **Он сразу получил от меня в морду. Но все стали уверять, что так принято, а я не знаю всех обычаев здесь. Я был не прав ?**

АННА. **(смеётся) Нет, Алек, ты был совершенно прав. И ты знаешь обычаи. Просто это принято в том доме. Впредь внимательнее выбирай дом, в который идёшь.**

АЛЕК. **Как хорошо, что я всегда иду в Ваш дом. Спасибо.**

АННА. **Пустяки. Я только рада.**

АЛЕК. **Вы знаете, что я теперь помогаю Серёже? Дежурства ночью. Медпомощь. Курский вокзал – бездомные. У кого нет дома, и они болеют.**

АННА. **Мой сын, как всегда, спасает человечество. Но это опасно – может быть любая инфекция !**

АЛЕК. **Нет опасно, его – дезинфекция.**

АННА **Господи !**

АЛЕК. **И теперь он уехал ненадолго.(пауза, Анна слушает шкатулку) Но у меня большая трагедия.**

АННА. **Что? Что случилось ?**

АЛЕК. **Я понял, что не могу читать вашего Пушкина в оригинале.**

АННА. **Ах, это! Ты меня так напугал. А это - поправимо. Я, правда, к стыду своему, не знаю ни одного не русского слова, но – попробую. Слушай:**

Буря мглою небо кроет,

Вихри снежные крутя…

Буря – это ветер, когда сбивает с ног, когда гнутся и ломаются деревья, когда становится совсем темно – вот так (гасит лампу) Это – мгла. (снова зажигает свет) Понимаешь ?

Далее Анна показывает каждое своё слово, и эта пластическая пантомима должна быть поставлена либо балетмейстером, либо мастером по пластике. Это целое представление, в котором чувствуется профессия героини. Наконец, запыхавшись, Анна останавливается перед потрясённым Алеком.

АННА. **Понимаешь? Впрочем, я сейчас тебе это спою. (садится за рояль, поёт «Буря мглою…»)**

АЛЕК. **Серёжа говорил, что Вы замечательная актриса, и это – так !**

АННА **(сияет) Серёжа? Он так говорил? Правда? А мне казалось, что он весьма скептичен к моей профессии. Интересно… Ах, как я рада, как я рада, что ты у нас бываешь. Наш дом всегда был полон серёжкиными друзьями. Приходи почаще. Я его почти не вижу, и это так тяжко!**

АЛЕК. **Я Вас понимаю. Но я хочу учить Вас английский.**

АННА. **О ! Совершенно бесполезно !**

АЛЕК. **Надо пробовать.**

АННА. **Ну, давай какое-нибудь слово. Например, - дорогой.**

АЛЕК. **Дарлинг**

АННА **(пытается произнести) Нет, это просто невозможно. Ну почему не выговаривать все буквы, как в русском. Дарлинг. О ! Я буду называть тебя Дарлинг.**

АЛЕК. **О ! Окей !**

АННА. **Вот итальянский, или испанский. Вот его я, наверное, смогла бы выучить. Он так романтичен и пылок! В нём даже такое красивое слово, как «вентиния» – чувствуешь, как заманчиво и тайно оно звучит? И как женственно! А означает оно всего навсего – форточка! Меня это просто сразило ! А есть ещё слово – САВЕДРА! И я даже не хочу знать, что оно означает! А вдруг тоже какая-нибудь табуретка ? С-а-а-ведра! Это звук ! Это нота! Это…звук воды по серым камням водопада!**

АЛЕК. **О ! Это кое-как-нибудь прекрасное ! Но я мало понял.**

АННА. **(смеётся) Честно говоря, и я тоже. А хочешь, я почитаю тебе ещё одного нашего замечательного поэта Слушай :**

Обманите меня, но совсем, навсегда,
Чтоб не думать – зачем ? Чтоб не помнить – когда?
Чтоб поверить обману свободно, без дум…
Чтоб за кем-то идти в тишине наобум…
Чтоб не знать, кто пришёл, кто глаза завязал,
Кто ведёт лабиринтом неведомых зал,
Чьё дыханье порою горит на щеке,
Кто мне руку так крепко сжимает в руке…
А проснувшись, увидеть лишь ночь и туман…
Обманите, и сами поверьте в обман…

Ой, кажется, я слишком громко. Ещё разбужу всё наше население…

(входит Аркадий)

АРКАДИЙ. **(нервно) Я не помешал ? Уже второй час ночи. Столь поздний час – и всё ещё гость.**

ДАРЛИНГ. **Извините.**

АННА. **Мой дом всегда поздний, да и я ночной человек.**

АРКАДИЙ. **Но не до такоё же степени.**

АННА. **Да и у тебя ночь – твоё время. Дарлинг ! Знаешь, какая у Аркадия Валериановича удивительная должность? Заведующий лабораторией по проблемам ночного свечения неба. Учёный с мировым именем, между прочим, без пяти минут академик.**

АРКАДИЙ. **Дарлинг – это имя?**

АННА. **Да! И это имя дала ему я.**

АЛЕК. **Всё-таки!**

АРКАДИЙ. **Не понял!**

АННА. **Аркаша, тебе пора спать. И вообще, перестань меня смешить.**

АРКАДИЙ. **(вдруг кричит) Я не могу спать ! И всем наплевать на это! Я давно не могу спать! Я давно не в какой лаборатории! Я безработный! Понимаешь? Всё! Нет никакого свечения !**

АННА. **(полна сочувствия, берёт его за руку) Успокойся, Аркаша, тише, тише…**

ОЛЬГА. **(вбегает заспанная в халате) Ну почему же тише ? Как раз – громче! Мне же интересно! И я послушаю. И тебе не привыкать, у тебя же по ночам самое свечение – твоего неба!**

АРКАДИЙ. **(он уже в истерике) Нет, нет никакого свечения ! Нет ! Нет !**

ОЛЬГА. **(кричит). А мне как раз показалось, что у тебя уже радуга ! И у нашей подруги тоже !**

АРКАДЙ. **(уже задыхается) Это моя ! Моя подруга !**

ОЛЬГА. **(кричит ещё громче) Ах, вот как ! Может, нам заняться разделом и прочего имущества?!**

АРКАДИЙ. **Ты не смеешь так говорить ! Анна – это…**

ОЛЬГА. **(ещё громче) Я и говорю – Анна ! Анна !**

АРКАДИЙ. **Ты с ума сошла! Просто я тебе не смог сказать, ты не знаешь…да, я не мог, я трус…**

ОЛЬГА. **Ну так смоги, наконец, скажи! Говори, говори, я этого давно жду! Я давно…я чувствовала!..**

АЛЕК. **(Аркадию) Всё-таки!..**

АРКАДИЙ. **Молодой человек! Мы с вами ещё поговорим – завтра! А ты – сейчас же прекрати истерику !**

ОЛЬГА. **(почти плача) Я знала, знала…**

АЛЕК. **(Ольге) Вы, я думаю…**

ОЛЬГА. **А вот вам думать – не надо! Это вредно, молодой человек! (вдруг успокаиваясь) Да, а что, собственно, вы делаете здесь – ночью ?**

АРКАДИЙ. **Ольга! Прекрати сейчас же!**

Анна – ей непереносима эта сцена – отходит к креслу, открывает музыкальную шкатулку с Бетховеном, берёт игрушку и выдувает роскошную гирлянду мыльных пузырей. На звук музыки только что кричавшие люди резко оборачиваются и замирают от неожиданно прекрасного, мерцающего волшебства. Аркадий вдруг расцветает счастливой, почти детской улыбкой.

АЛЕК. **О !**

АННА. **(с облегчением) Оказывается, нам всем так мало надо для радости, и мы забыли самые простые вещи. Когда Серёжка был маленький, я брала соломинку для коктейля, расщепляла её на конце и опускала в мыльную воду, и – летело это бесшумное, мерцающее и тающее чудо. И теперь я просто должна была купить эту игрушку. Итальянская. Смешно, но я не могу оторваться.(Анна выпускает ещё одну гирлянду)**

АЛЕК. **Можно мне? (берёт игрушку, и все заворожённо следят за разноцветным и бесшумным полётом. Ещё и ещё раз)**

АННА. **(Ольге) Да, Аркадий хотел тебе сказать, что он теперь без работы. Он не решался, не хотел огорчать…Ну вот, уже светает, уже утро…Давайте спать… Наконец-то мы отдохнём…**

Раздаются бурные звонки в дверь. Алек бежит открывать, и влетает, и влетает Верочка с чемоданом.

ВЕРОЧКА. А я так и не улетела!

Загремела «Русская пляска», и свет погас.

В Т О Р О Й А К Т

Зажигается свет. Всё та же гостиная, но в ней появилось много разных больших коробок, которые совсем не гармонтруют с былым уютом этого дома. Исчезла люстра, или ещё что-то. Входят Верочка и Ольга.

ОЛЬГА. **Вот уже и давно мы дома, а люблю здесь бывать. Нет-нет, а так и тянет сюда – на огонёк.**

ВЕРОЧКА. **На этот огонёк и меня всё время тянет.**

ОЛЬГА. **Ну, с тобой-то всё понятно! Так что – едешь, наконец, Серёжа с тобой, или нет? С Анной ты говорила?**

ВЕРОЧКА. **(машет рукой и спотыкается о коробку) Ой, что это ?**

ОЛЬГА. **Да, просто склад какой-то. Твой полоумный Серёжка всё забил гуманитарной помощью, чтобы её не украли. Я точно знаю, что там шоколад - так хочется ! Но он убьёт, если возьмёшь хоть крошку. Бездомные дети! - кричит. Как вам не стыдно! А сами с Анной впроголодь. Вот ненормальный.**

ВЕРОЧКА. **Как вы можете! Да таких, как он – на всём земном шаре нет!**

ОЛЬГА. **Ну, ну, не фуфырься, пожалуйста! Лучше расскажи про Париж. Лувр, Елисейские поля, кафе Ротонда – как я тебе завидую!**

ВЕРОЧКА. **Да какая там Ротонда! Там такое было, чего просто быть не может. Вы только послушайте – я до сих пор в себя придти не могу и не знаю, что делать. Как раз незадолго до отъезда из Парижа, зашла я к своей соседке за солью, а у неё гости. Тоже русские, из Москвы, только в 7О-е уехали, диссиденты. Он - красавец, уже лет 2О во Франции, от него княгиня Оболенская без ума, а он всю жизнь один**

– забыть не может свою московскую любовь – Анну Соколову. Анна Соколова! Представляете?

АННА **(она уже вошла и, всё услышав, бессильно опускается на стул) Нет…**

ВЕРОЧКА. **Анна Петровна! Я не знала, как мне быть…**

ОЛЬГА. **(Анне) Успокойся. Ну, что ты…(Верочке) Расскажи лучше, как там у тебя дела – рассказывай, рассказывай…**

ВЕРОЧКА. **(с преувеличенным восторгом) Анна Петровна ! Знаете, а у меня теперь своя квартирка. Представляете – в самом центре Парижа! Каждое утро встаёшь – а там – Эйфелева башня!**

ОЛЬГА. **(явно не о башне) С ума можно сойти !**

АННА. **Да, да, вполне можно. (встаёт, как сомнамбула, выходит) Боже мой…**

ВЕРОЧКА. **Как ужасно всё получилось. Я хотела посоветоваться с Вами – говорить, или не говорить, а она всё услышала.**

АННА. **(вошла, нервно ходит, курит) Нет, я одного не понимаю. Как это забыть не может? Как это любит? Но ведь это он, он тогда… Это я – всю жизнь…**

ВЕРОЧКА. **А он говорил, что это Вы – Вы от него ушли.**

АННА. **(словно проснувшись) Что? (выходит)**

ВЕРОЧКА. **Подумать только! Вот это любовь! Десятилетиями покоя нет! А я всего несколько лет маюсь, и то кажется – вечность!..Нет, нет, я добьюсь, я добьюсь! Он должен, должен поехать. Если любит – поедет.**

ОЛЬГА. **А он-то сам что-нибудь говорит?**

ВЕРОЧКА. **Ах, да когда ему говорить?! Всё время кого-то спасает . А кто меня спасёт, кто?!**

АРКАДИЙ. **(входит) Что за крики ? Это – СОС? Если нужно спасать Вас, Верочка, я всегда готов.**

ОЛЬГА. **На этот раз плохо Анне.**

АРКАДИЙ. **Что с ней?**

ОЛЬГА. Да вот – такая неосторожность. Ты ведь знаешь, что для Анны тема Николая запретна, причём пожизненно. А тут – Верочка…

ВЕРОЧКА. Я пошла к соседям за солью! Понимаете – за солью! И всё!

АРКАДИЙ. Причём тут соль и Николай?

ВЕРОЧКА. Да там он и оказался! У моих парижских соседей! Я когда Ольге Сергеевне рассказывала, вошла Анна Петровна, на ней лица не было. Так неловко получилось!

ОЛЬГА. Да вобщем-то ничего особенного. Ну и что? Ну и Николай! Уж пора бы ей всё это забыть. Сто лет прошло, да к тому же там, а не в Москве. Не понимаю!

АРКАДИЙ. Да…

АННА. (входит) У меня опять сигареты кончились…А, это ты ?

АРКАДИЙ (пытается шутить) Да, и я знаю, что тебя это не очень-то радует…Анечка…Ольга мне сказала, что…

АННА. Боже мой, да оставьте вы меня в покое! И вообще – я должна здесь убраться .Идите все по своим делам. На кухне ещё полно хлопот.

ОЛЬГА. Верочка, Аркадинька!

(Ольга выходит, за ней Верочка. Аркадий задерживается)

АРКАДИЙ. Да, удивительное совпадение. Но ведь действительно прошло столько лет, целая жизнь. Неужели…Впрочем, я говорю глупости. Ты же знаешь, я всегда люблю тебя. С тех самых пор, как впервые увидел тебя уже не маленькой девочкой – там, в институтской раздевалке. Увидел и больше не забыл. Смешно, были годы, когда я большей частью встречал тебя случайно и редко. Всё почему – то в подземных переходах. Ты или спускалась, или поднималась по лестнице. Как-то ты спросила меня – я постарела ? А я почему-то заплакал.

АННА. Ты очень сентиментален…Да, интересно, а что ты увидел тогда, в тот раз, в институте?

АРКАДИЙ. **Я увидел то же, что и теперь. Посмотри на себя в зеркало. Прекраснее тебя нет. Да и я тоже ничего…Кому же я перешёл дорожку? Кто меня проклял Кому понадобилась моя счастливая жизнь?..Я знаю – знаю : я от рождения приговорён к любви. И мне это отпущено. Мы не молоды, я до сих пор ощущаю себя одарённым человеком, но этой одарённостью мне хочется делиться только с тобой. Потому что…Понимаешь, потому что…ты просто очень любимая женщина.**

АННА. **(вдруг взорвалась) Ах, вот как! И ты! Тоже! Любишь! Оставь – ты любишь Ольгу, и поэтому ты с ней. И с предыдущими жёнами – тоже, по этой же причине. Если вы все так меня любите, то почему же вы допустили, чтобы я жила так, как я живу?**

АРКАДИЙ. **Прости, я не знал, что нас так много…**

АННА. **Брось ерундить. Кстати, ты очень патетично спрашивал сейчас – кому понадобилась твоя счастливая жизнь? Ты просто забыл, что она понадобилась твоему же самому близкому другу, к которому я тогда и ушла замуж…И который ! который…(задыхается) Впрочем, что это я…всё пустяки. И оставь, оставь всё это…**

АРКАДИЙ. **Пустяки…Да. Действительно, пустяки. Но ты, пожалуйста, помни, я всегда, я предан тебе и душой, и телом.**

АННА. **Ах, оставим тело в стороне!**

АРКАДИЙ. **(невольно рассмеялся) Да, ты всегда была сколь нежной, столь и саркастичной.**

АННА. **Серёжки всё нет и нет. Знаешь, я очень волнуюсь за него. Если бы я снимала фильм под названием « Сын «, то у меня через всю картину повторялся бы один и тот же кадр : сын уходит, а мать смотрит ему в спину. Вот он первый раз, выдернув руку, сам бежит в песочницу, и мать видит его спину. Вот отпустил мою руку и шагнул – через порог школы. Ах, как невыносимо было смотреть ему в спину, когда он повернулся и вышел первый раз совсем надолго – в**

армию…А теперь…Я его почти не вижу. Я очень люблю Верочку, я хочу, чтобы они уехали отсюда, я понимаю, что это просто необходимо. Но как мне быть? Как мне быть? И как всё это разрешится ? Это мешает мне быть с Верочкой искренней. Боюсь, и она со мной не до конца откровенна…Смешная, милая девочка. Она вся – сплошной восклицательный знак .

Звонок в дверь. Входит Алек. Аркадий, поздоровавшись, выходит.

АННА. **Дарлинг ! Как хорошо, что ты пришёл, а то мне что-то взгрустнулось. По-моему, грядут тревожные события.**

ДАРЛИНГ. **А почему так вкусно пахнет?**

АННА. **Сегодня Верочка уезжает.**

ДАРЛИНГ. **Анна Петровна, я у одного русского писателя прочитал: « Я не уверен, что в жизни за преступлением неизбежно следует раскаяние, а за подвигом – блаженство.» Это цинизм, или правда? И вообще, правда – это цинизм ? О, если я не запутался !**

АННА. **(смеётся) Ах, Дарлинг, не только ты. В этих проблемах запуталось всё человечество. Я уж и не рада, что ты так хорошо знаешь русский. По-моему, тебе это вредно. Лучше иди на кухню, надо порезать хлеб.**

Анна идёт на кухню, за ней, как привязанный, идёт Дарлинг.

ДАРЛИНГ. **Нет , всё-таки ! Анна Петровна, я весь в сомнении.**

АННА. **Это полезно…**

Анна буквально сразу же возвращается из кухни с блюдом в руках. За ней, тоже с чем-то для стола идёт Аркадий.

АРКАДИЙ. **Он ходит за тобой, как привязанный – просто боится отойти.**

АННА. **Может быть, ему действительно страшно здесь, у нас.**

АРКАДИЙ. **Мне тоже страшно. Иногда я перестаю узнавать самого себя.**

АННА. **Ты знаешь, когда Серёжа первый раз съездил за границу, он был весь переполнен, рассказывал без конца. Но самое сильное впечатление на него произвела встреча с русским эмигрантом – служкой в православной церкви в Афинах. Он родился в восемнадцатом, на теплоходе, который плыл из Одессы в Константинополь, и его фамилия, можешь себе представить, - Кони !**

АРКАДИЙ. **Неужели из семьи того самого, знаменитого ?**

АННА. **Выходит так. Мне иногда кажется, что только там и сохраняется ещё русский язык и русская культура. Смотри - Дарлинг говорит с акцентом, но в принципе – какая русская речь ! Их же учат тому языку, который ещё не растворился в нашем современном месиве. Нет, всё-таки какие странные бываю вещи! Сейчас всё наводнено иностранцами, но в наш дом попадают какие-то сверхрусские аме риканцы и немцы. Мне всегда интересно понять, а как всё было с самого начала? Так вот тех, которых я знаю, сюда привёл никто иной, как Достоевский. Помнишь Джона? Жил себе спокойно в своей Америке, родители владели бензоколонкой где-то в тихой провинции. И – на тебе! В 14 лет он, видите ли, прочитал « Братьев Карамазовых» и решил, что должен знать язык и страну этого гения. И пошло. Русское отделение Бостонского университета, стажировка в России. В первый же день приезда в Москву в первой попавшейся театральной кассе покупает билет на спектакль. Идёт, влюбляется в актрису,- женится. Теперь живёт в подмосковьи, ездит на электричке, пишет диссертацию о Достоевском и в Америку ни ногой.**

АРКАДИЙ. **А город, в котором происходит действие « Братьев Карамазовых», называется Скотопригоньевск .**

АННА. **Вот тебе и Скотопригоньевск. А Кристина из Гамбурга! Помнишь её? Всю жизнь переводила Достоевского на свой немецкий язык. Муж, двое сыновей, благополучие. Нет! Её старший должен знать язык и**

родину русского гения! Приезжает с ним в Москву, работает в издательстве, сын учится в русской школе. И года не прошло, как мальчик заявляет что он Иисус Христос, и его ведут к психиатру.

АРКАДИЙ. Да, эти мне русские загадки. Меня бы в Германии к психиатру не повели. А вот здесь…Ах, куда-нибудь, в какой – нибудь Париж!

АННА Вот об этой точке земного шара не будем говорить.

СЕРГЕЙ (входит) Я не опоздал ? Вы ещё не за столом? А где все?

ВЕРОЧКА. (входит, у неё в руках - блюдо с печеньем) Серёжка ! Анна Петровна ! Я сама испекла мазурки.

АННА. Верочка! Не может быть! Кажется, кроме меня на всей земле никто не печёт это печенье. Его пекла бабушка. Я у неё научилась. Очень просто и вкусно. Все всегда нахваливают, спрашивают и даже записывают рецепт, но никто никогда почему-то не делает. Ни в одном доме я никогда не видела на столе этих мазурок.

СЕРГЕЙ. Моё самое любимое печенье.

ВЕРОЧКА.А я это знаю, Серёжа.

СЕРГЕЙ. (пробует печенье) О, у тебя хорошо получилось ! Ты права, мать, действительно ни в одном доме больше я не пробовал мазурок, кроме нашего. Может, никогда больше и не попробую.

АННА. Почему ты так говоришь?

АРКАДИЙ. Но теперь с уверенностью можно сказать, что на земном шаре будет ещё один дом, где гостей будут встречать мазурками – там, где будет жить наша Верочка. (входит Ольга)

АННА. Ну, все в сборе? Давайте за стол.

АРКАДИЙ. (потирая руки) Прекрасно, прекрасно !

ДАРЛИНГ. (встаёт с бокалом) Дорогая Анна Петровна ! Я всегда знаю, что в этом доме всегда ждут. И я рад, что я здесь. Это привилегия.. Спасибо Вам, Анна Петровна, за то, что Вы из иностранца сделали меня человеком. Всё-таки !

АННА. **(смеётся) Дарлинг ! ?**

ДАРЛИНГ. **Да, так. Я уверен, что мой русский меня не подводит, и я точен. Спасибо Вам за всех, кто нашёл у Вас приют и покой. Я считаю за честь видеть Вашу жизнь, полную любви и достоинства.**

АННА. **Полно, Дарлинг, да полно же – я сейчас заплачу.**

АРКАДИЙ. **Вот это речь!**

ОЛЬГА. **Анна, твоё здоровье!**

Все развеселились, чокаются, пьют, о чём-то говорят. Из-за стола выходят Сергей и Аркадий.

АРКАДИЙ. **Ты так ничего и не сказал матери?**

СЕРГЕЙ. **Просто не представляю, как это сделать. Одна надежда на Вас. С другой стороны, она ведь всегда этого хотела, она сама так считает.**

АРКАДИЙ. **Теоретически. Но представь, что это для неё в реальности. Вот ты можешь осознать до конца то, что она, быть может, никогда – понимаешь,- никогда ! тебя не увидит.**

СЕРГЕЙ. **Но подождите, это же не так, это не обязательно…**

ОЛЬГА. **Аркадинька ! Я хочу танцевать. Все, все, все – танцевать !**

Все начинают танцевать под Русскую пляску, которая звучит достаточно мирно, и хороводом исчезают в соседней комнате. Остаются Сергей и Верочка.

ВЕРОЧКА. **Серёжа!**

СЕРГЕЙ. **Да?**

ВЕРОЧКА. **Ведь билеты уже куплены, а ты всё молчишь. Ты сказал Анне Петровне? Я в глаза ей смотреть боюсь. Мужчина ты, в конце концов, или нет!**

СЕРГЕЙ. **Ты думаешь, это так просто?**

ВЕРОЧКА .А Мне? Мне просто? Ты мучаешь меня столько лет! Я не могу больше жить в самолётах! Я не могу больше быть бездомной! Ты ведь так о них заботишься, о своих бомжах. Так вот – я тоже бездомная, о которой ты должен, наконец, позаботиться! Неужели ты можешь так подолгу меня не видеть? Неужели ты можешь и дальше быть без меня ? Я же от одного твоего голоса – умираю! Не хотела говорить, но знай, знай – я пыталась уйти – к другому! Ничего не вышло – и не выйдет! Понимаешь? И всё равно! Если ты и теперь не уедешь со мной – мы никогда ! Слышишь, - никогда не увидимся.

СЕРГЕЙ. (обнимает Верочку) Верочка, дорогая моя Верочка… Как же мне быть? Как быть? Это бред, но мне кажется иногда, что если я уеду, то и мать, и всё это, и весь этот мир растворится и исчезнет. Знаешь, как бывает в страшных снах.

ВЕРОЧКА. Страшный сон – это то, что происходит с нами сейчас и все эти годы! У меня силы кончаются! Ах, Париж! Ах, Эйфелева башня! Ах, Москва, ах Россия, ах, -русская душа ! А мне кажется, что всё провалится в тартарары без на с тобой – вместе !Весь мир тускнеет без тебя !

СЕРГЕЙ. Матушка любит повторять, что ты – сплошной восклицательный знак… Я навсегда запомнил, как ты возникла, будто пламя из костра, там, на баррикадах. Ты так таращилась – я думал, у тебя глаза из орбит выскочат, и лезла, куда не надо. Если бы я не понял, что ты девчонка, отдубасил бы, честное слово.

ВЕРОЧКА. (вдруг стихла) И что – так сразу и понял? (прижалась к нему) Знаешь, какое было странное ощущение? Меня чуть не раздавило в толпе, чувствую – всё, тону и задыхаюсь, даже глаза зажмурила. И вдруг – почему- то не давят, почему-то вздохнула и задышала. Смотрю – а меня от всех чья-то спина – такая прочная и устойчивая

– отгородила и не даёт меня смять. И – затылок, такой мужской, в завитках…И страх ушёл…Это был ты.

СЕРГЕЙ Твой голос в трубке – такой живой, совсем рядом, а тебя нет. Тоска…Понимаешь, я совсем не уверен, что там я кому-нибудь нужен. Здесь – эти несчастные, хоть руку протянешь, хоть на миг надежду дашь…

ВЕРОЧКА. Но нельзя же жить только чьим-то горем ! А где же место для своего счастья ? (прижимается к нему, они стоят, обнявшись. Все входят)

ОЛЬГА. (грозит пальчиком) О, здесь нужен глаз да глаз, вас одних оставлять нельзя ! (отводит Сергея в сторону) Ну, ты решился, наконец, или нет ?

АННА. Сегодня у всех секреты, секреты…И что-то у всех плохой аппетит. А ну-ка снова все марш за стол ! Зря мы с Верочкой старались ?

АРКАДИЙ. Давайте выпьем за наши будущие встречи.

ВЕРОЧКА. Серёжа, ты присоединяешься ? (пауза) Почему ты молчишь ? Ты что – против наших будущих встреч?

СЕРГЕЙ. Нет. Конечно, нет. Мам, спой мне мою любимую.

ОЛЬГА. Анна, Анна, спой. Спой !

АРКАДИЙ. Да, я давно тебя не слышал, пожалуйста.

Анна поёт «Чёрного ворона».Ей подпевают все остальные.

ОЛЬГА. Ой, нет, тоску нагнали ! Давайте-ка лучше мою любимую. Отраду !

Все грянули «Отраду», и опять Сергей и Аркадий говорят вдвоём.

АРКАДИЙ. Знаешь, о своём решении ты всё же сам должен ей сказать. Ей богу, мне это не по силам. Так ты всё-таки едешь?

СЕРГЕЙ. Выяснилось, что здесь я не нужен. Ни я, ни мои силы, ни мои знания, ни мои желания. Да и вообще…Надо пробовать, надо менять жизнь

Вот только мать…Но она должна, должна понять. Она мне сама не раз говорила, что отсюда надо уезжать…

ОЛЬГА. **Анна, мой Костя, слава богу, уже, кажется, заканчивает свои круги ада. Остались только формальности в посольстве. Там столько анкет Ты всегда всё знаешь, вот что ему написать в графе- мотивировка выезда из страны ?**

АННА. **Очень просто: хочу жить !**

АРКАДИЙ. **Однако! Ты не лишена…И вместе с тем – сама почему-то не собираешься.**

АННА. **Да я, как Илья Ильич Обломов – приросла больным местом. И потом – должно же быть место на земле, куда всем можно вернуться…**

ВЕРОЧКА. **Анна Петровна ! Вы сказали !**

АННА. **Сказала, Верочка, сказала…**

АРКАДИЙ. **Анна…**

ОЛЬГА. **(тут как тут) Аркадинька, а я новые стихи написала.**

АРКАДИЙ. **Оленька, может быть, не сейчас?**

ОЛЬГА. **(обиделась) Ну конечно, я тебя перебила !**

АННА. **Почитай, Оленька, почитай.**

ОЛЬГА. **Это, когда я в последний раз там была, когда мы продали наш дом.**

Синий дом в сиреневом овраге.
Ах, не видит этого Шагал !
Прихожу сюда сирени ради,
Дом привык к моим шагам.

Вперемежку, белая и сизая,
Опьянённая сама собой, сирень,
Вместо дыма над косою крышею
Стелет запах, тишину и лень.

Не тревожу, не сгибаю грозди я.
Дым сиреневый плывёт по тишине…
Здесь не думаю о горькой моей родине.
Я, сирень и дом – наедине.

(все аплодируют)

АННА. **Нет, в самом деле, Оленька, просто замечательно.**

Анна и Ольга оказались отдельно от всех.

ОЛЬГА. **Аня ! Я тебе не говорила… Ведь мы с Аркадием тоже подумываем. Вот отправим Костю в Германию, посмотрим, что получится, а потом, даст бог, и сами… Знаешь, ты прости меня, глупую, я иногда…А ведь мы близкие люди…прости…всё нелепо как-то…А так хотелось прожить жизнь простую, женскую, счастливую…**

АННА. **Ну, что ж…пустеет мой дом. Вот и Серёжка…всё не решается мне сказать…А я ведь всё знаю…Скажи ему, скажи, чтоб не мучился.**

вскрикнула «Русская пляска» – Раз, раз, ещё раз! И погас, и снова вспыхнул свет .На сцене – Анна и Дарлинг смотрят телевизор.

ДИКТОР **(женский голос) Скажите, а вы получаете одинаковое удовлетворение от любви – и с женщиной и с мужчиной ? Как вы решаете эту проблему?**

МУЖСКОЙ ГОЛОС. (с гордостью) Любви нет. Есть только секс. И для меня это никогда не бывает проблемой.

АННА. **(остолбенев) Кто эти люди ?!**

ДАРЛИНГ. Всё-таки ! Но теперь это норма. Не надо бояться.

АННА. **Ты меня успокоил.**

ДАРЛИНГ. (протягивает Анне меховую шапку) Спасибо, мне она больше не понадобиться.

АННА. **Это очень смешно, но ты единственный, на кого мне удалось надеть эту меховую шапку. Серёжка всегда так хлопал дверью, когда я просила надеть её ! Даже в самые лютые морозы. Я потом пыталась её надеть на все мальчишечьи головы, которые возникали передо мной – и всегда один и тот же результат. Ни Алёша из Ташкента, - помнишь, он снимал у меня комнату? Ни Митя из Анапы, ни Теннер**

из Америки. Всегда и все – нараспашку и без головы… Вот тебе и ещё одна общечеловеческая проблема. И знаешь, кто бы у меня ни жил, всегда, со всех точек земного шара звонили мамы – одни и те же интонации, одни и те же слова – Мой мальчик, он такой хороший, как он ? Что с ним ? Уж Вы, как-нибудь… И в моём безумном воображении – земной шар, такой огромный, и над ним звенят и мечутся материнские голоса – что с ним…Как он…

ДАРЛИНГ. От Серёжи – ничего ?

АННА. Нет… (берёт игрушку, выдувает гирлянду мыльных пузырей) Нет… Да, а который час?

Анна останавливается перед зеркалом, внимательно себя изучает. Видно, что очень к чему-то готовилась – причёска, макияж, платье. Видно, что очень нервничает. То бросается к накрытому столу, то снова – к зеркалу. Дарлинг внимательно за ней наблюдает.

АННА. Дарлинг, ты только не уходи. Нет, впрочем, это же невозможно. В крайнем случае, ты в моей комнате, понимаешь?

ДАРЛИНГ. Не совсем.

АННА. Боже, двадцать лет прошло. И он сейчас придёт! Понимаешь?

ДАРЛИНГ. О чём Вы?

АННА. Отец Сергея. Я сейчас бегала в театр, сказала девочкам – загримируйте меня под красавицу. Ну, как я выгляжу?…Нет, так не бывает. Ведь Сергей, как ты знаешь, в Париже. И надо же, его отец – из Парижа в Москву! Вернулся из эмиграции. Один из самых красивых московских мальчиков . Ты не представляешь, как он был красив ! Вчера позвонил. Хочет увидется.

ДАРЛИНГ. А Вы этого хотите ?

АННА. **Я этого не знаю. Я этого не знаю ! Просто это произойдёт – и всё. Который час? (звонок в дверь) Дарлинг, не уходи ! Нет – туда!**

Дарлинг уходит. Анна идёт открывать и возвращается с Николаем. Он худ, сутул, сед, лицо в резких морщинах, плохо одет и совсем не похож на красавца. Оба потрясены и не могут начать разговор.

АННА. **Проходи…садись…я собиралась ужинать.**

Она отходит к зеркалу, старается незаметно стереть помаду, снять клипсы, её душит внезапная жалость и ей неловко за своё продуманное великолепие.

АННА. **Ешь, ешь…**

НИКОЛАЙ. **Здесь, как будто, многое стало иначе.**

АННА. **Да…пустеет дом…**

НИКОЛАЙ. **Я недавно похоронил матушку. Она была бы рада знать, что мы с тобой встретились… Она всегда тебя любила.**

АННА. **В отличие от тебя…впрочем…вот – пирожки.**

НИКОЛАЙ. **Вкусно. Раньше ты так не готовила.**

АННА. **У меня было время научиться. И не только этому…(пауза)**

НИКОЛАЙ. **В Москве теперь у всех в подъездах коды. Надо иметь хорошую память, чтобы попасть в чей-нибудь дом. Но твой легко запомнить . - 937 – год, который вошёл в историю, как год расстрелов.**

АННА. **Да ? Ты заметил? А у моих самых близких друзей – 826 – год, когда повесили декабристов. Тоже очень легко запомнить.**

НИКОЛАЙ. **Да. История родины всегда с нами.**

АННА. **И ты даже не представляешь, до какой степени ! Сколько мне пришлось пережить из-за твоего идиотского диссидентского отъезда! У Серёжки анкета была испорчена. В институте обошлось – в графе**

«Отец» – прочерк написала. А вот когда он на телевиденье поступал, там первый отдел три месяца проверял. Всё мне звонили – где ваш муж? Как это вы с ним не связаны? А вдруг он антисоветской деятельностью занимается? Принесите справки! Какие справки? Да если вам удастся что-нибудь узнать – я сама вам спасибо скажу – всё-таки интересно… Ах, был момент, когда я первый раз в жизни сама хотела тебя найти, из-за Серёжи. Мне вдруг показалось, что ты ему можешь помочь. Было такое отчаяние!... Нет, не удалось тебя найти. Да и слава богу! Знаешь, в бесконечной цепи нелепых моих поступков, лишь об одном я не жалею, одно я сделала правильно. Правильно, что я всё положила на то, чтобы он тебя не знал.

НИКОЛАЙ. Он меня знает.

АННА. Как?!

НИКОЛАЙ. Мы познакомились в Париже.

АННА. (после паузы) Я так и знала…Ну, Париж !

НИКОЛАЙ. У нас очень хороший сын

АННА. У меня! Слышишь? У меня! Ты и права-то не имеешь называть его сыном. Там, в Париже, ты мог бы ему помочь. Но ты и оттуда бежал и оставил его. Одного! На чужой земле! Ты! И вообще – это надо ещё доказать. Я вообще могла родить от кого угодно !

НИКОЛАЙ. (усмехается) Действительно…

АННА. (после паузы) Вот только голос у него твой. И смеётся также и кашляет… Он кашляет? (пауза) Вот видишь… А вот выслушай ещё один – невозможный сюжет. Верочка в Париже пошла к соседям. Господи – за солью! Ты внимательно слушаешь? И у соседей в гостях некий человек – русский эмигрант – вспоминал о своей пожизненной любви к Анне Соколовой, которая оставила его. Это был ты. Но ведь это ты от нас ушёл. Ты! Тебе – что? Хотелось быть интересным? Это ты так развлекал общество в тот вечер? Ну хотя бы теперь, когда всё

– всё позади, ну объясни ты мне, почему ты так мной распорядился? И почему ты так говорил обо мне, когда ведь это я чуть не умерла, когда ты ушёл, почему ты…

НИКОЛАЙ. Но я так на самом деле считаю…Прости, мне уже пора, я неважно себя чувствую…

АННА. Да ? Но…я хотела поговорить с тобой. Мне так нужно спросить тебя…

НИКОЛАЙ. О чём ?

АННА. Да, о чём же?…О чём ?…

НИКОЛАЙ. Спасибо. Я рад, что ты великолепно выглядишь.

Он встаёт и выходит, Анна за ним. Вскрикивает и затихает Русская пляска. Анна тут же возвращается, мечется в полной прострации, хватает бутылку и пьёт прямо из горла. Она сидит, раскачиваясь, и слышен внятный и ровный речитатив)

АННА. Больно…больно…больно…

ДАРЛИНГ. (входит, отбирает у Анны бутылку) Анна Петровна ! Анна Петровна Всё – таки !

АННА. (никого не видит и не слышит) Господи, какая нелепость ! Как глупо Как невозможно глупо ! Да может ли так быть, чтобы всю жизнь … – ради чего? Почему? Господи… Господи… Просто бред какой-то…Ах, Дарлинг ! Никогда – слышишь ? – никогда не подчиняй свою жизнь ничему и никому – полностью. Служение… Преданность… Верность… Любовь… И всё это – химеры ? « Жизнь пронеслась, как на ветру случайно брошенное слово…» Помнишь ?

ДАРЛИНГ. Да. Ростан. Вы читали мне это. По-русски.

АННА. **У меня замечательная профессия. Вернее, была замечательная профессия. К моим услугам были слова и мысли всех гениев мира. Они всё знали про меня. « Жизнь пронеслась, как на ветру случайно брошенное слово…» Ах, Дарлинг ! И я уже никогда, понимаешь? - -никогда ! не сыграю Раневскую из « Вишнёвого сада «. Помнишь ? « У меня сегодня тяжело на душе, вы не можете себе представить. Здесь мне шумно, дрожит душа от каждого звука, я вся дрожу, а уйти к себе не могу, мне одной в тишине страшно…» И потом : « Господи, господи, будь милостив, прости мне грехи мои. Не наказывай меня больше! « Помнишь ?**

ДАРЛИНГ. **Да. Вы мне читали. По-русски .**

АННА. **Прости, мне нельзя так распускаться. И убери с лица страдальческое выражение. Ты ведь хотел о чём – то со мной посоветоваться?**

ДАРЛИНГ. **Я думаю, что это не момент. Может быть Вы хотите быть одна ?**

АННА. **Да нет, момент. Как раз самый момент. Вот, давай пить чай и разговаривать, и всё будет хорошо.**

ДАРЛИНГ. **Анна Петровна , мне жаль, но Вы оказались правы. Я решил уезжать, к себе, в Канаду.**

АННА. **(после паузы) Понимаю…Я всегда знала, что тебе это нужно сделать…**

ДАРЛИНГ. **Я перестал здесь что-нибудь понимать. Меня унижает, что я – взрослый и сильный – ощущаю здесь себя слабым и ни от чего не защищённым. Здесь никому нельзя верить на слово и практически ничего нельзя осуществить до конца. Как только что-нибудь начинаешь делать, все считают своим долгом делать помешателство.**

АННА. **Твои ошибки в русском делают его ещё точнее. Ты хотел сказать – все мешают. А это действительно всеобщее помешательство.**

ДАРЛИНГ. **Да. Даже поздно идти по Москве мне неприятно, хотя я никогда не был трусом. И наконец, я здесь соскучился по русскому языку. Вы и**

Сергей – вы говорите на языке страны, которой давно нет. Там у меня на полке будут стоять Чехов и Толстой, и я всегда могу открыть их и наслаждаться. Но я не буду слышать весь этот бред, который закладывает уши, стоит только выйти на улицу, включить телевизор, раскрыть газету.

АННА. Вот как ты всё объяснил…Видишь, всё можно понять только самому. Что ж, ты прав Дарлинг, но мне будет тебя не хватать

ДАРЛИНГ. Анна Петровна, дорогая, я никогда не забуду ни Вас, ни Сергея, ни Ваш дом. Это навсегда моё. Я благодарен…(берёт лежащую на рояле ингушку) Можно ? (выдувает роскошную гирлянду мыльных пузырей)

АННА. Возьми себе. А сейчас тебе пора, уже поздно, да и я что-то устала…Не забудь проститься, когда будешь уезжать.

ДАРЛИНГ. (целует Анне руку, они обнимаются и долго стоят молча) Простите…

АННА. Спокойной ночи. Иди…

Провожает Дарлинга, садится в кресло с ногами, включает телевизор.

ДИКТОР. Вот уже год, как служащие этого города не получают зарплату… (Анна переключает) Наш корреспондент сообщает о забастовке учителей, которым не выплачивается зарплата..(Анна переключает) Сегодня уровень радиации в этом посёлке прежний, но его жители, так и не найдя другого пристанища, всё рано возвращаются на свою смертельно опасную родину…

Анна выключает телевизор и включает музыкальную шкатулку. Пауза. Входит Сергей.

СЕРГЕЙ. Мать…

АННА. **Серёжа…(вскакивает, бросается к сыну) Ты? Ты! ..Боже, Серёженька…**

СЕРГЕЙ. **Понимаешь, Париж, квартира в центре,(с внезапным отвращением) и каждое утро – подходишь к окну, а там – Эйфелева башня !!**

АННА. **Что?!**

Анна хохочет, Сергей подхватывает её смех, и они отчаянно пляшут под загремевшую вдруг «Русскую пляску» .И, танцуя, Анна, сама того не замечая, как бы закрывает собой сына от грядущей опасности.Анна выпускает из игрушкицелое облако радужных пузырей, которые начинают заполнять зеркало сцены, внезапно превращаясь в снежную метель, И гремит, гремит «Русская пляска», пока не закрылся занавес.

К О Н Е Ц

Голикова
Нонна Юрьевна
8- 499-246-53-34